

ЭПОС “МАНАС”: КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АРЕАЛ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ В ПЕРВОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI ВЕКА

Э.А. Сарылова, В.И. Шаповалов

Рассматривается проблема распространения эпоса “Манас” через переводы на другие языки как стратегия интеграции в мировые культурные контексты кыргызской национальной культуры в XX в.

Ключевые слова: информационная политика; переводческая стратегия; советская школа художественного перевода; цель перевода; эпос “Манас”; тенгрианская культура как почва рождения эпоса.

Если *перевод* – поле, на котором выстраивается реальное взаимодействие национальных и государственных целостностей, то *стратегия перевода* – важная часть информационно-культурного процесса, в том числе и национального культурного дискурса, и межнациональных отношений культур и народов.

Стратегия перевода – начальное условие культурного взаимодействия. Отсутствие стратегического начала затрудняет понимание на многие годы.

Так, в 20–30-е гг. XX в. горьковская стратегия перевода произведений национальных литератур на русский язык обусловила вспышку литературной энергии на международном уровне и привела

в мировую литературу десятки национальных художественных культур, дав возможность родиться многим великим художникам слова.

В соответствии с теорией перевода, на первом этапе переводчик стоит перед выбором стратегии перевода. К примеру, предпочтение может быть отдано текстуально точному, приближающемуся к буквальному переводу или, напротив, переводу, смело отходящему от формальной структуры оригинала, приближающемуся к вольному. В этом выборе решающую роль может сыграть *жанр* текста (ср., например, перевод дипломатического документа и поэтический перевод), *цель перевода* (ср., например, два перевода “Отелло”: прозаический перевод М. Мо-

розова и поэтический перевод Б. Пастернака) и социальная норма перевода, характерная для той или иной эпохи (А.Д. Швейцер).

В качестве примеров сознательной установки на дословность перевода можно назвать некоторые переводы Библии на греческий и латинский языки, а также на европейские языки эпохи средневековья; средневековые переводы произведений Аристотеля. Эпоха классицизма, напротив, ознаменовалась установкой на вольный перевод, полностью подчиняющий подлинник нормам этой эпохи. В XX в. появились новые идеи.

Жизнь и литературная практика XX в., в частности, и практика перевода кыргызской литературы, показали следующее. Во-первых, “объективный <...> анализ перевода требует его детального сопоставления с оригиналом на всех уровнях языковой системы (от фонетики до синтаксиса), определяющей художественный эффект стихотворного текста с учетом внетекстовой информации, литературоведческого и культурологического аспекта”; во-вторых, “анализ переводов, особенно с языка, мало известного в мире, следует производить через *tertium comparationis* – т. е. через “межкультурную договоренность” – в виде подстрочника, обязательно снабженного комментариями стиховедческого, стилистического, литературоведческого и культурологического характера”.

В выработку стратегии перевода входит принятие решения относительно тех аспектов оригинала, которые должны быть отражены в переводе в первую очередь. Поэтому переводчик должен заранее установить шкалу приоритетов.

Но в плане переводческой политики как государственной доктрины (а именно это придало горьковской идее такую созидательную силу!) значение переводческой стратегии для развития культуры нации, для всей национальной истории резко возрастает.

Красноречивый пример – история перевода эпоса “Манас” в XX в. Собственно, она идет из XIX в., когда европейская стратегия собирательства и записи устного наследия сопрягалась со стратегией развития гуманитаристики и философии. Запись эпоса Ч. Валихановым, В.В. Радловым, Д. Алмаши и другими этнокультуроведами дала толчок формированию международного восприятия национальных эпосов (не только “Манаса”), а значит, потребовала перевода их на другие языки. Основы же перевода были заложены русскими и немецкими поэтами и прозаиками – переводчиками – еще раньше:

Н.И. Гнедичем при переводе Гомера, Э. Ленротом в оформлении “Калевалы” и др.

Запись “Манаса” Каюмом Мифтаховым и стратегическую просветительскую деятельность Е.Дм. Поливанова трудно переоценить: по их следам в XX в. заново пошли компаративисты и фольклористы. Работы В.Я. Проппа и П.Г. Богатырева не были бы возможны без манасоведения 30-х гг.

Положительная роль в развитие перевода – проведение конкурса Гослитиздатом в 1936 г., когда к “Манасу” было привлечено внимание всей русской поэзии. Конкурс выиграла молодая поэты-переводчики, и в результате труд Л. Пеньковского, С. Липкина и М. Тарловского считается одним из наиболее масштабных переводческих проектов в мировой литературе XX в.

Развитие всей кыргызской литературы прошло под знаком переводческой стратегии советской школы художественного перевода. Это перевод эпоса “Манас”, а затем и намерение перевести всю трилогию. Это перевод в 50-е гг. серии эпических дастанов-сказаний к декаде кыргызской литературы и искусства 1959 г. Это многолетняя, с 30-х гг., практика перевода кыргызской литературно-профессиональной поэзии, прозы, драматургии, ставшая частью истории и русской, и кыргызской литератур, более того, ставшая непременным условием формирования профессиональной литературы в Кыргызстане в 40–60-е гг. Это формирование уникального, по лучшим европейским меркам, общества культурного билингвизма, которое сегодня стремительно утрачивается, точнее, уже практически утрачено.

В последнее время стратегически талантливыми и плодотворными государственными акциями было, во-первых, проведение 1000-летия эпоса “Манас” в широком международном масштабе, в контексте документов ООН, что привело к оживлению интереса к кыргызской культуре во всем мире и, в целом, к мировому эпическому наследию; другая акция – концептуальное исследование отечественной истории, национального этнонима и установление параметров истории кыргызской государственности.

Стратегия переводов в различные исторические периоды определялась как объективными социальными нормами перевода, так и личностью переводчика. Наиболее неоднородная картина наблюдалась в поздних советских переводах, когда наряду с мастерами перевода, следовавшими концепции полноценного перевода, работали переводчики, принципиально не ста-

вившие перед собой цель создать текст, близкий к оригиналу.

Адекватность образа Кыргызстана, возникающего в поэтических переводах, находится в прямой зависимости от культурной концепции и социальной позиции переводчиков, и даже от их религиозных представлений. Так, по мнению одного из авторов данной статьи, высказанному несколько лет назад, гигантский эпос “Манас” не мог возникнуть в мусульманской культуре, где общество жестко нормативно: нужна была более свободная конфессиональная почва – и такой почвой стала тенгрианская культура кыргызов. Поэтому рецепция одних и тех же художественных произведений в культуре-источнике и в принимающей культуре оказывается во многом различной. Стоит вспомнить повесть молодого Ч. Айтматова “Джамиля”, которая в Кыргызстане вызвала массовые яростные нападки, и только защита всемирно уважаемого Луи Арагона и русской советской критики спасли судьбу выдающегося писателя.

Говоря о стратегических условиях выработки критериев перевода эпоса “Манас” на языки народов мира в XXI в., есть основания исходить из принципов всемирной литературной культуры, которая уже сформировалась в условиях глобализации. Придерживаясь этой логики, предстоит:

1) разработать (или вспомнить уже разработанное) адекватный аппарат лингвистического анализа стихотворных переводов, выработать наиболее рациональные подходы к изучению и описанию исторических закономерностей переводческой деятельности;

2) определить факторы, обуславливающие возникновение в принимающей культуре интереса к кыргызской поэзии – как иностранной! – в разные исторические периоды, выявить закономерности отбора текстов для перевода;

3) раскрыть обстоятельства, влияющие на характер выполняемых переводов, т. е. показать зависимость переводческих принципов от исторических условий (“социальной нормы перевода”) и от личности переводчика;

4) обнаружить причины и характер деформаций и других изменений текстов при переводе и выявить историко-культурную закономерность таких деформаций; выявить конкретную (скажем, русско-кыргызскую) герменевтическую составляющую в переводческом труде;

5) используя научный аппарат, разработанный имагологией, раскрыть основные характеристики образа Кыргызстана в России, выявить роль переводной литературы в формировании этого образа.

Иначе говоря, русской культуре придется узнавать кыргызскую культуру заново. Нет, выбор стратегии будет диктоваться формированием совершенно нового представления о кыргызской литературе как иностранной, как самостоятельной и по-своему закрытой, как чужой, и если отмеченной близостью, то не более чем по евразийским масштабам. И каким оно будет, это новое представление русской литературы о литературе кыргызской, – покажет будущее.